

Дмитрий Вержуцкий

Хроники фабрики Сарам

и другие рассказы

Дмитрий Вержуцкий

Хроники фабрики
Сарам. И другие рассказы

«Издательские решения»

Вержуцкий Д.

Хроники фактории Сарам. И другие рассказы / Д. Вержуцкий —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903672-8

В сборник вошли рассказы, разные по объему и по тематике. Здесь есть таежные приключения и попытки проникнуть в дух древних эпох, произведения на военную тему и просто рассказы про жизнь. Их объединяет одно — равнодушный взгляд на происходящее, колоритность сюжетов и неожиданность изгибов людских судеб, поставленных природой или обстоятельствами в трудные, а порой и фатальные условия. Автор старается нигде не навязать читателю свое мнение, каждый может составить его сам.

ISBN 978-5-44-903672-8

© Вержуцкий Д.
© Издательские решения

Содержание

Из таежной жизни	6
Хроники фактории Сарам	6
Часть первая.	6
Часть вторая.	6
Часть третья.	8
Часть четвертая.	9
Часть пятая.	9
Часть шестая.	10
Часть седьмая.	11
Часть восьмая.	13
Часть девятая.	14
Часть десятая.	15
Часть одиннадцатая.	16
Часть двенадцатая.	17
Часть тринадцатая.	19
Часть четырнадцатая.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Хроники фабрики Сарам И другие рассказы

Дмитрий Вержуцкий

© Дмитрий Вержуцкий, 2018

ISBN 978-5-4490-3672-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из таежной жизни

Хроники фактории Сарам

Часть первая.

Гость

С утра небо плотно затянуло серыми, рваными тучами и, судя по всему, в ближайшие час или два должен был пойти дождь. После завтрака, как обычно в последнюю неделю состоявшего из одной на троих пресной лепешки с чаем, Наташка занялась приборкой в зимовье. Мы слевой, перекрутив последний мешок кедровой шишки, прогнав орех через сита и откидав-отвеяв его с помощью деревянной лопаты на куске полиэтиленовой пленки, уселись на завалинку под окном. Неторопливо покуривая, стали рассуждать – стоит ли сейчас идти в лес или лучше переждать непогоду.

Он возник перед нами неожиданно и непонятно откуда. Худой, среднего роста и трудноопределимого возраста, одетый в видавшую виды штормовку, черные мятые брюки с пятнами смолы и кирзовые сапоги с укороченными голяшками. Голову покрывала серая тряпка, завязанная узлом за правым ухом. Почти черное от загара лицо с глубокими морщинами не выражало никаких добрых эмоций. Присев на колено, незнакомец, недружелюбно глянув на нас, коротко поздоровался. Затем сразу перешел к делу:

– Зачем на чужой участок лезете? Жить устали?

Руки его покрывали наколки. Зубы блестели железом. Под полрой распахнувшейся штормовки, подчеркивая серьезность разговора, на ременной петле стволами вниз висел обрез двустволки-бескурковки. «Двенадцатый», – машинально оценив калибр оружия, я протянул гостю открытую пачку «Беломора» и поинтересовался:

– А где ваш участок? Могли ненароком и не туда забрести. Извиняйте, если что не так. Границу-то как в тайге определишь?

От неожиданности незнакомец даже выронил вытащенную из моей пачки папиросу и какое-то время явно пытался сообразить – не шутят ли с ним. Узнав, что мы на заготовке ореха первый раз, смачно сплюнул и кратко сообщил, мол, их участок «обвешен» и обрисовал – как именно это в природе выглядит.

Мы слевой переглянулись, точно ведь, вчера еще недоумевали – кто и зачем куски мха на сухие сучья деревьев надевает. Настойчиво посоветовав «не шутковать», гость пояснил, что в этих краях второй раз никто нам ничего объяснять уже не будет. «Радуйтесь, что к Пермякову на участок не залезли! Уже червей бы кормили!» Докурив, он легко поднялся и также стремительно исчез, ввинтившись в заросли пихтача. Кто такой Пермяков и отчего он такой злой – тогда для нас осталось загадкой...

Часть вторая.

Колот

В самом начале, только обустроившись в старом, уже почти развалившемся, зимовье, наскоро подремонтировав кедровыми плахами крышу и слепив из камней и глины новый очаг, мы, с помощью топора, ножовки и пары гвоздей, быстренько изготовили из поваленной бурей березы удобный колот для добычи шишки. Представлял он собой что-то типа большого дере-

вянного молотка с крепкой чуркой на конце и вбитой в выпиленный в ней паз трехметровой ручкой. Вся эта приبلуда весила килограммов двадцать-двадцать пять и, на наш взгляд, полностью отвечала своим задачам.

Колот ставился у ствола кедра рукоятью вниз. Верхнюю часть отводили назад и затем, со всей возможной силой, наносили удар чуркой по стволу дерева над головой. Эта операция должна была, по идее, приводить к встряхиванию вершины кедра, покрытой шишками, и выпадению на поверхность выросшего вверх урожая. Впрочем, как быстро выяснилось, наши взгляды на требуемые размеры инструмента не вполне соответствовали реалиям.

Кедрач вокруг зимовья был, действительно, густо обвешанным гроздьями шишек, но редким и ядреным, высотой по тридцать-сорок метров и толщиной ствола в комле в два обхвата. Тюканье нашей легкой колотушкой не производило на эти исполинские деревья ровно никакого впечатления. Даже после самых сильных ударов, сверху, в лучшем случае, падали одна-две синеватые бугристые шишки, наполовину выклеванные птицами-кедровками. Побегав три дня по лесу в поисках не слишком толстых деревьев и набрав за это время лишь полмешка, мы слевой одновременно пришли к выводу о необходимости срочного внесения изменений в наше орудие производства.

Нам слевой тогда, еще прошедшей зимой, исполнилось по двадцать лет. Мы росли в одном дворе, учились в параллельных классах в одной школе, вместе поступили на биофак. Он с детства отличался смекалкой, практичностью и неистребимым стремлением к чему-то новому. Лева с решимостью брался за все, что угодно, нередко у него ничего не получалось, но чаще достигал цели. Меня же привлекала сама возможность участия во всяких авантюрных затеях. Мы неплохо дополняли друг друга. Он генерировал идеи, я пытался найти в них слабые места и возможности их преодоления, в конце концов, мы приходили к общему мнению.

Испытание второго образца с огромной чуркой и толстой рукоятью из березового же ошкуренного бревешка в три с половиной метра длиной показало его полную непригодность в связи с чрезмерным использованием гигантизма как воплощения одного из направлений инженерной мысли. Проще говоря, поднять этот предмет вдвоем и привести его в рабочее, то есть, вертикально стоячее состояние, нам не удалось. Попыхтев вокруг в процессе нескольких попыток и убедившись в их бессмысленности, мы поступили просто: укоротили вдвое чурку и уменьшили на полметра ручку. На этот раз поставить колот вертикально получилось, но чурка легко вертелась вокруг оси, к тому же значительная тяжесть верхней части затрудняла точность удара по кедру. Выход нашел изобретательный Лева – он сделал метровую поперечину, врезав ее на уровне плеч в древко рукояти и закрепив тремя гвоздями.

Начались новые испытания. Я подлез под чурку и принял ее тяжесть на плечи. С помощью Левы выпрямился и, чуть отшагнув назад, поднял древко. На прямых ногах удалось сделать несколько шагов к ближайшему кедру. Опустив конец бревешка в мох, и перенеся на него часть тяжести, я перевел дыхание. По моей команде, мы взялись за поперечину и подняли колот вертикально. На счет «Три!!!» мы нанесли удар по кедру. Дерево ощутимо содрогнулось. Сверху слышался шепоток, перешедший в drobный нарастающий звук.

– Атас! Под чурку! – заорал я, но Лева уже прижался к стволу, пряча голову от начавшегося «шишкопада». Одна из шишек больно ударила меня в плечо, вторая откололась в колено, Лева тоже перепало. Сухой рокочущий шум и перестук массы падающих шишек постепенно стал стихать и, наконец, прекратился. Прислонив колот к кедру, мы изумленно огляделись. Вся поверхность под деревом в радиусе нескольких метров оказалась покрыта слоем шишек. Три полных мешка с одного кедра! Мешок шишки – это же целое ведро ореха! Вот это – результат!

Часть третья.

Шторм и его последствия

Минула середина сентября. Журавлиное курлыканье доносилось с неба все реже и, наконец, совсем прекратилось. С полсотни ведер чистого ореха нам уже удалось засыпать в мешки, зашив их сверху сапожным швом толстой ниткой. В тот день прямо с самого с утра мошка просто житья не давала – поедом ела, ввинчиваясь в глаза, уши и нос. Побив шишку до обеда, мы организовали дымокур у зимовья и выжидали – когда же эта напасть прекратится.

Лес как-то странно затих, перестали свистеть, перекликаясь, рябчики, небо затянуло мглой. Исчезли и надоевшие мошки-кровопийцы. Из-за ближней сопки внезапно появился грязно-серый, стремительно увеличивающийся на глазах, валик, за ним зияла чернота. Валик быстро приблизился, и тут-то все и началось.

Под защитой леса все ощущалось не так сильно, но и долетавшие к нам порывы сбивали дыхание и хлестали мусором по глазам. Вверху же дела обстояли совсем не так благостно – летели ветви, целые макушки кедров, березы отгибались и внезапно наотмашь стегали своей кроной соседние деревья. Возле лесовозной дороги, проходящей вдоль распадка метрах в двадцати от нас, пронзительно вскрикнув ломающимися корнями, вздрогнула и, сначала медленно, потом все быстрее начала падать огромная сосна. Раздался грохот и дерево, откинув в сторону маковку, рухнуло на дорогу.

Мы втроем стояли под навесом зимовья, прижавшись к сучковатой, плохо оструганной стене и друг к другу, молясь, чтобы никакое другое дерево не упало на нас. Внезапно все вокруг озарилось мерцающим светом, и через секунду небо лопнуло. Грохот был такой, что все присели и закрыли ладонями уши. Началась яростная гроза. Буйство природы продолжалось почти всю ночь. Мы почти не спали, забившись в угол на нарах и вслушиваясь в звуки стихии. К утру буря прекратилась, тучи куда-то унесло, из-за сопки появилось солнышко, и лес ожил. Все вокруг оказалось завалено лесным хламом. Пришлось расчищать нашу полянку перед зимовьем, наводя хоть какой-нибудь, но порядок.

Оттащив большую кучу ветвей подальше в лес, Лева возвращался, погруженный в себя, что-то напевая под нос и пританцовывая. Зная его не один год, я мог точно сказать, что у моего друга появилась новая идея. Так и оказалось. Отойдя немного в сторону, Лева обнаружил в сплошном моховом покрове странную дырчатость. В силу природного любопытства, он засунул в одно из отверстий руку и нащупал кедровую шишку! Весь лес вокруг нас оказался покрыт ковром из сбитой бурей шишки! Сейчас незачем, надрываясь, таскать от дерева к дереву тяжеленный колот, не надо колотить им по кедром. Можно просто брать мешки и собирать урожай с поверхности!

И понеслась душа по кочкам! Переработку мы оставили на потом. Прибегая из лесу с мешком на плечах, каждый высыпал содержимое на кусок расстеленного у стены зимовья полиэтилена, и снова бежал обратно. Достав имевшуюся у нас сетку-авоську, Наталья, далеко не уходя, тоже собирала шишку-паданку возле зимовья. Заготовка шла с утра до темноты. К концу третьего дня мы слевой валились с ног от усталости, Наташка тоже была никакая.

«Совет в Филях» постановил, оставить еще не охваченные нами лесные позиции бурундукам, мышам и кедровкам и заняться переработкой уже заготовленного. Как позже выяснилось, решение оказалось правильным. Через семь дней уже двадцать кулей отборного ореха и три мешка «сувенирки» (шишки правильной формы, без повреждений, более девяти сантиметров длиной) стояли у стенки зимовья, готовые к вывозке. Двумя плашками-мышеловками, предусмотрительно прихваченными из города Левой, мы отлавливали мышей и полевок, интересующихся нашим орехом. Дело оставалось за малым – следовало заготовить, подсушить

и упаковать по полкило брусничного листа на каждого. Без этой «нагрузки» орех не принимали.

Часть четвертая.

Кондрат

Утром Лева отправился на факторию – договариваться о тракторе на вывозку. Взяв пустой мешок, я пошел за ручей на северный склон сопки рвать брусничные листья. Наташка осталась охранять лагерь. Из оружия у нее имелась огромная ракетница со вкладышем двенадцатого калибра и патроном, снаряженным картечью – гордость Левиной изобретательской натуры.

Ракетница лежала под одеялом на нарах, когда в хлопотах по кухне Наташа вдруг обнаружила сидящего на корточках у нашего костра человека. Незнакомец был годков шестидесяти, но еще довольно крепок, весь, как и большинство люда в этой тайге, в синих наколках и глубоких морщинах. Наша повариха быстро поздоровалась и кинулась спасать подгоравшие в сковородки оладьи, испеченные ей из остатков муки и воды с содой. Она взяла пару самых удавшихся лепешек, положила в миску и протянула гостю:

– Угощайтесь, пожалуйста! Сейчас я чай заварю, заварка, кажется, еще осталась. Но сахар давно кончился. Извините, больше ничего нет! Вам покрепче?

Старик кивнул, что, мол, да, хорошо бы покрепче. Неторопливо прихлебывая чай, откусывая от лепешки, гость осмотрел лагерь, мешки с шишкой и орехом, убранную территорию и большую поленницу дров у входа под навесом. Поинтересовался, когда выезжаем на базу. Сказал, что назавтра по рядом проходившей дороге пойдет трактор на базу с санями, «на них все и увезете». Допив чай и посидев еще недолго, он поблагодарил за угощение и пошел.

На полдороги до леса остановился, постоял, о чем-то размышляя. Затем повернулся к Наташке и сказал:

– Ты, девка, это... Не думай ничего. В общем, своим я скажу, чтобы вас не трогали. А ежели какие залетные... Скажете, что Кондрата знаете, отстанут сразу! Только к Пермякову не заезжайте! Ну, прощай, хорошего тебе! А за лепешку и чай – спасибо! – и гость мягкой походкой опытного таежника удалился.

Навьючившись полным мешком с утрамбованным брусничным листом, я вернулся к лагерю через полчаса. Наташка спокойно и подробно рассказала о происшествии, не подавая виду, что в душе изрядно напугана. Меня же больше заинтересовало очередное упоминание о каком-то Пермякове. Видимо, в этих местах он был известной личностью, надо не забыть, как выберемся на базу, узнать поподробнее про него.

Часть пятая.

Кузьмич

Еще через час появился Лева. Он принес не самые хорошие новости. Глава фактории, чья власть на Сараме казалась и была в реале почти абсолютной, старший товаровед лесхоза Василий Кузьмич Чалдонов, вчера отбыл с попутным транспортом в головную контору в Култуке.

Пять лет назад Кузьмич, как его все называли, окончил Иркутский пушно-меховой техникум по специальности «Товароведение» и с тех пор работал в лесхозе с двухлетним перерывом на службу в погранвойсках. При росте в два с небольшим метра и живом весе сто тридцать килограммов, даже при его несерьезном возрасте, Кузьмич пользовался у окружающих большим авторитетом. Когда авторитета не хватало, он слегка тыкал в непонимающего кулаком, и этого, чаще всего, оказывалось достаточно для решения любых вопросов. Служебная

большая квартира у него находилась в Култуке прямо возле конторы, но год назад он женился и купил хорошую трешку в центре Иркутска.

Расстояние от фактории до конторы лесхоза не слишком великое – километров сто пятьдесят, но больше половины пути дорога шла через отроги Саян и по времени занимала часов восемь. Следовало полагать, что в конторе Кузьмич проведет следующий день, а потом, понятно, захочет провести молодую жену в городе. Учитывая, что сегодня среда, а впереди воскресенье, ждать его следовало не раньше, чем во вторник вечером. Все это рассказали Леве местные аборигены, тоже изрядно удрученные раскладом. Проблема заключалась в том, что Кузьмич никому не доверял и орех принимал только сам. И ключи от продуктового склада находились тоже у него.

Это было печально, но тут ничего не поделаешь – все дороги перекрыты постами егерей, без бумаги от Кузьмича не выехать. Оказывается, еще с незапамятных времен, здесь существовал неписаный закон – сдал государству десять мешков ореха, одиннадцатый можешь вывезти «на материк» и продать самостоятельно. Разница, надо сказать, оказывалась ощутимой – приемная цена ореха на фактории составляла один рубль тридцать копеек за килограмм, а с учетом поправки на сорность и влажность, на круг выходило чуть больше рубля. В то же время в Иркутске можно договориться и сдать орех барыгам на рынке по три рубля. Если же самому продавать специальными стаканами с двойным дном, то с килограмма удавалось выручить и до шести рублей. Цена мешка кедрового ореха, таким образом, доходила до трехсот рублей! Если учесть, что зарплата в двести рублей в месяц в те годы для большинства людей в городе казалась очень и очень приличной, то это были хорошие деньги.

Часть шестая. Фактория Сарам

На следующий день, понадеявшись на слова Кондрата, мы стаскали мешки к обочине дороги. Он не обманул – после обеда в верховье распада послышалось тарахтение дизеля. Вскоре из-за поворота появился старенький ДТ-75, тянущий за собой трое сцепленных трое волокуш. Первые две были загружены мешками с орехом и шишкой, сверху ехали бригады заготовителей, третья оказалась свободной. Трактор остановился. Соскочившие со своих мест парни помогли загрузить наш урожай на последние сани и вскоре, также восседая на своих мешках, мы вместе со всеми направились в сторону фактории.

Через час караван достиг небольшого поселка, состоявшего из десятка разномастных домов и сараев, и остановился на окраине площади возле двух больших бревенчатых барачков-пятистенков, каждый из которых состоял из двух частей с отдельными входами в торцах. Лева быстро все обследовал и вернулся радостный – в одном из барачков обнаружилось удобное место и для нас.

Помещение оказалось почти квадратным, его левую половину его занимали широкие нары в два этажа, в середине с другой стороны находилась большая побеленная печь, за ней также располагались узкие двухъярусные нары. Сразу у двери справа, перед печью, светлел кедровыми плахами крепкий стол, с обеих сторон от него стояли добротные лавки. На стене возле стола имелись две полки, сооруженные тоже из кедровых, грубо выструганных, толстых досок. На них стояла немудрящая посуда – пара закопченных кастрюль, такой же, черный от сажи большой чайник, ополовник, сковорода, железные миски, несколько кружек и консервная банка с воткнутыми в нее дюралевыми ложками и вилками.

Мы перенесли свой груз в дом и уложили все под нары, сразу слева от двери. Дальний край помоста занимала компания из четырех парней, приехавших в отпуск на заработки откуда-то с Поволжья. На нижних нарах за печкой жил мелкий местный дедок, периодически смоливший махорку. Над ним обитал Толян – смуглый цыганистый каюр, предводитель

шестерки лошадей, закрепленных лесхозом за факторией, пасущихся в данный момент на лугу у речки. Со слов дедка, Толян в данный момент пил у геологов, чей лагерь располагался километрах в трех ниже по речке. Лева нашел кусок тонкой проволоки, ловко продел ее сквозь подвернутые края крайних мешков и в нескольких местах проволокой же прицепил по две-три пустых консервных банки. Даже если мы будем ночью крепко спать, без шума утащить мешок с орехом у желающих вряд ли получится.

Еще когда мы на санях-волокушах приближались к фактории, наискосок от нас, по дороге на Большую Землю, уезжали медицинская санитарка и канареечный уазик. Поинтересовались – что случилось? Словоохотливый дед с удовольствием рассказал, что бичи ночью перекусили сетку-рабицу на тыльной стороне большого склада, отогнули ее и только успели вытащить мешок с орехом, как оказались замечены сторожем. Бросились наутек. Но сторож оказался не промах. Первого он положил жаканом еще на поляне, второго достал у самого края леса. Обоих наповал. Генка-радист связался с конторой, вызвали медицину и ментов. Приехали, опросили, кого смогли, загрузили сторожа, трупы (их в ледник сразу сложили) и умотали. «Десятку, поди, впаяют. Не надо было Ленке их достреливать!». Я угостил его «Беломором». Поблагодарив и еще больше оживившись, разговорчивый дедок продолжил излагать свежие новости.

– Они же, менты эти, только третьего дня здесь были. На Ергенском ключе кто-то мужика с сыном грохнул. Топором зарубили, лапником закидали – приваду, наверное, на медведя приготовили. Геологи случайно наткнулись. Там тайга богатая, мешков двадцать ореху у них на двоих точно было, исчезли. Мильтоны покрутились-покрутились, – а куда? Никто ничего не знает. Не к Пермякову же идти? – старик помолчал, затем продолжил. – Не по-людски это – из-за ореха людей убивать. Раньше редко такое было. А сейчас каждый год к концу сезона здесь кого-нибудь кончают, особенно, ежели людей мало в бригаде. Сюда лучше компанией приезжать, а то всяко бывает. Правда и так, просто по пьяни, много чего случается. Дней десять назад тоже одна бригада выезжала, Кузьмича ждали, орех же надо сдать. Перепились, сцепились из-за чего-то, один другого ножом пырнул. Тоже скорая с ментами приезжала, но не довезли, говорят, по дороге помер. Вот так вот, жил человек – и нету...

– Дед, а кто это такой – Пермяков? – воспользовавшись паузой, поинтересовался я.

Реакция оказалась странной. Дедуля как будто стал еще меньше ростиком, поежился, опасливо заглядывался по сторонам, затем наклонился, и просевшим голосом тихонько сказал:

– Ты, паря, того... Зачем это... Конечно, слухи ходят, что уже съехал он. Но, может, и врут. Лучше про него лишнего не болтать, – произнеся эту достаточно странную для меня тираду, дедок замолчал и быстро свалил к себе за печку.

Часть седьмая.

Быт и люди Сарамы

Большая баня, стоявшая на берегу реки Сарам, оказалась заселена одной из компаний шишкарей, выбравшихся из тайги и, так же как мы, ожидающих возможности сдать орех и выехать на материк. Ближе к вечеру Лева обнаружил в углу базы ниже по речке старую маленькую баньку, с подгнившими полами, но вполне еще рабочую с двумя тазами, ведрами и всем остальным необходимым. Протопили, натаскали воды. Небольшой обмылок у нас оставался. По очереди, мы залезали туда, и, отпариваясь после тайги и испытывая немислимое наслаждение, просто кайфовали от счастья. Вечером использовали оставшуюся маленькую жменьку чаю и, смакуя, покончили с последней лепешкой. Народ вокруг тоже активно подъедал последние продуктовые запасы.

На второй день с утра, признаться, сильно хотелось есть. Продукты на фактории имелись, но, как уже говорилось, в закрытом складе. Ближайший магазин, где можно купить еду, находился в Улбугае, километрах в семидесяти по прямой. У запечного дедка выяснили, что еду и спирт местные в таких случаях меняют на орех у геологов, но те дерут совсем не по-божески: булку хлеба и банку тушенки или полбутылки спирта отдают за два ведра ореха. И хоть как с ними торгуйся, меньше не уступают.

После полудня, тоже на тракторных санях, но с другой стороны от нашего бывшего участка, прибыла еще компания из шестерых оборванных и злых до чертиков и постоянно матерившихся мужиков из Ангарска, обосновавшаяся затем посредине наших нар. Причина их плохого настроения выяснилась быстро – заботливо уложенный возле зимовья штабель мешков с заготовленным орехом при погрузке оказался весь издырявлен мышами. Что могли они собрать, но с мешок или больше осталось во мху на радость тем же мелким хвостатым воришкам. В бараке стало немного тесновато, хотя верхние нары еще оставались свободны.

К вечеру на протопленной печке волжане и ангарчане варили еду. У первых в меню присутствовала похлебка из китайской свиной тушенки «Великая Стена» с картошкой и рисом; у вторых – просто жиденький супчик из рыбной консервы с макаронами, зато у них еще имелось немного муки, а значит, к супу были и лепешки. Каждая компания заняла половину стола и совершенно не проявляла желания с кем-либо делиться столь дефицитными калориями. Лева, в конце концов, увел Наташку прогуляться вдоль ручья, а я делал вид на нарах, что крепко сплю. Получалось плохо, и народ за столом, громко чавкая и хлюпая поглощаемым супом, пару раз прошелся насчет некоторых идиотов, что идут в тайгу, не озаботясь запастись на весь срок продуктами.

Суббота тоже прошла в голодных раздумьях. Время тянулось медленно. Все непрерывно щелкали орехи, мы же пока решили не вскрывать свои мешки. Ягода вокруг фактории была выбрана дочиста, но Наташка где-то в распадке неподалеку все же ухитрилась найти и принесла целую горсть спелой, ароматной смородины. Мы поделили ее по-справедливому – половину вернули добытчице, половину съели с Левой. Народ весь день шатался по фактории, останавливаясь у конторы, с высокого крыльца которой в полутора километрах отсюда хорошо просматривался участок дороги с перевала. С той стороны должны были прибыть машины для вывозки ореха. С ними ожидали и Кузьмича.

Непонятные бичеватые личности во множестве бродили по лагерю, сидели там и сям на корточках и смолили махорку. Судя по всему, большинство из них представляло бригады, еще остававшиеся в тайге, и отслеживало обстановку, чтобы выбраться на факторию прямо к приезду Кузьмича. Несколько типчиков, делая вид, что незнакомы, ненавязчиво подваливая то к одним, то к другим, предлагали перекинуться в картишки. В конце концов, игра разгорелась за старой баней. Кто там проигрался – я не видел, но, судя по доносившимся, время от времени, оттуда разборкам, они имелись. Другие слонялись как бы тоже в ожидании чего-то, и внимательно, но стараясь не палиться, оценивали – что можно незаметно украсть или кого можно развести на выпивку или орех, что, собственно, в этих местах являлось эквивалентом.

К нам парочка колоритных субъектов подвалила под вечер. Оба невысокие, естественно в наколках на руках, с азиатчинкой в лицах, у одного, с перебитым носом, желтая фикса во рту, второй сильно шепелявил – передние зубы у него отсутствовали. Одеты во что попало, но кирзачи у каждого начищены до блеска. Мол, парни, так и так, выручайте. Завтра трактор с орехом придет, а пока – трубы горят, месяц в тайге. Займите мешок, завтра железно, без булды, отдадим! Натолкнувшись на твердый отказ, они еще немного попытались уболтать «клиентов», затем, видя бесперспективность затеи, свалили. Уходя, ребята нехорошо на нас поглядывали, что-то бормоча на тему о карме, которая непременно должна настичь таких, не желающих войти в их положение, нехороших людей.

Через час-полтора, проводя от нечего делать очередной променад вокруг фактории, я заметил этих двух бичей, пятившихся из двери соседнего барака. Они тащили куль, похоже, что с орехом. За ними шел молодой, но крепкий веснушчатый парень из компании, приехавшей, как я уже знал, из Вологды.

– Ну, ребят, без обмана, все как договорились – завтра к обеду мешок возвращаете. И бутылку спирта за прокат!

– Да без базара! В натуре все будет, как надо! Фуфло не впарим, все по чесноку! – радостно улыбаясь железными зубами с сияющей желтизной фиксой посередине, успокаивал подавшегося лоха кривоносый. – Кеха, ты до речки, дальше меняемся!

Шепелявый Кеха молча взвалил мешок на плечи и зашагал в сторону тропы, ведущей к геологическому поселку. Второй последовал следом. Вологжанин стоял на крыльце, с сомнением глядя им вслед. Из двери осанисто вышел кривоногий серьезный мужик в прожженном ватнике, накинутом на голое тело, покрытое синими куполами. Свернув «козью ножку» и закулив, он кивнул в сторону уходящих:

– Ты, Леха, имей в виду и своим скажи. Здесь за базар отвечают. Если в обед все, что Витька с Кешкой наобещали, не принесут, придется вам вечером на ножи их садить, – и, помолчав, добавил: – Иначе никто не поймет.

Часть восьмая.

Ожидание, геологи, спортсмены и новости

Наступило и также голодно и печально прошло воскресенье. Бичи, обещавшие вологжанам вернуть орех с наваром, так и не появились. Народ, изнемогающий от безделья, нашел себе занятие: каждый считал своим долгом подойти к пострадавшим, отозвать кого-либо из них в сторону и объяснить, что так просто забыть здесь невыполненные обещания нельзя, «надо кончать». Пятеро молодых парней-студентов из Вологды все больше мрачнели и о чем-то долго спорили, уходя за старую баню. Видно было, что никого резать они не хотят, но как быть в такой ситуации – не знают.

Из тайги выбралось еще пара компаний, одна из них разместилась в нашей половине на верхних нарах, мешки с орехом у них оказались помечены нашитыми красными тряпицами и заняли место тоже под нарами. Осмотрев изобретение Левы, ребята оценили его и тоже спутили свой штабель с мешками проволокой и связками пустых консервных банок. Голод начинал ощущаться все сильнее. Проблема была еще в том, что с продуктами мы, действительно, как-то не рассчитали и еще всю предыдущую неделю на зимовье сидели на полуголодном пайке, питаясь только лепешками, грибами и ягодой. Ну, еще орех, конечно, щелкали. Наташка держалась стойко, но глаза ее стали больше, а фигура – изящней.

Вечером у нас закончилось курево. Утром в понедельник решительный Лева вскрыл один из мешков, нагреб в рюкзак два ведра ореха и, расспросив у «запечного» деда дорогу, направился к геологам. Часа через полтора он вернулся с банкой курганской тушенки и булкой серого хлеба. Ему удалось выпросить в придачу еще и луковицу, а также, что сильно обрадовало, пачку сигарет «Прима». Мы сделали небольшой костерок за баней, разогрели тушенку прямо в жестянке и, сев втроем вокруг, черпая ложками по очереди, умяли содержимое банки с хлебом и луком. Невероятно вкусное оказалось блюдо! Затем мы закурили... И жизнь снова заиграла яркими красками!

В этот же день, ближе к вечеру, на факторию с перевала спустился полноприводный автобус-«пазик». Из него вывалила толпа изрядно пьяных молодых людей с яркими красными надписями «СССР» на белых куртках спортивных костюмов. Видимо, закончился какой-то тренировочный цикл, и команда спортсменов поехала расслабиться, а заодно и ореха заготовить себе на зиму.

При себе у них имелась бумага от Чалдонова с требованием оказывать предъявителям оной всяческую и безоговорочную поддержку. Они переговорили с оставшимся сторожем и радистом Геней. Те указали зимовье, где поблизости еще можно было что-то наколотить, и объяснили, как туда добраться. Выпив и закусив на раскладном столике у автобуса, компания снова загрузилась и отбыла по лесовозной дороге в указанном направлении. От спортсменов удалось узнать, что в лесхозе готовят колонну машин на вывозку ореха. Кузьмич тоже уже там, в конторе, улаживает разные дела. Он, вместе с машинами, должен приехать на факторию в среду. Эта новость обрадовала всех.

Часть девятая.

Появление Толика и женщины Сарам

Вечером в бараке появился сильно пьяный, но с большим к себе уважением, каюр Толик. С ним находился тоже не особо трезвый радист Гена, который, помимо основной работы, еще включал с темнотой движок дизельной электростанции, освещавшей факторию. Они сели за стол, поставили бутылку водки, открыли банку тушенки, нарезали хлеб, лук и стали дальше пить из граненых стаканов, тоже принесенных с собой.

Судя по их разговорам, они находились в каком-то дальнем родстве. Давнее общение, как вскоре выяснилось, было далеко не безоблачным, периодически какие-то обиды вспоминались, и они начинали выяснять отношения. Затем пили мировую и снова ссорились. Наконец, после очередной разборки на повышенных тонах, Гена встал и ушел из барака. Толик еще выпил и загрустил. Затем несколько раз попытался петь «Сиреневый туман», но получалось плохо, да еще к тому же, кроме первого куплета, он ничего не помнил.

В бараке было душно. Курили все, преимущественно махорку. Запахи портянок и давно не мытых тел тоже добавляли свой вклад в своеобразие обстановки. Наташка очередной раз встала с нар и вышла из барака отдышаться. Хотя Толик и находился в полунирване, вид симпатичной девушки даже несколько отрезвил его. Он обвел ошалелым взглядом барак:

– Нихи-ирасе... Эта... Бикса чья?

Лева, находившийся ближе и пытавшийся при свете импровизированной коптилки читать какой-то журнал, случайно найденный им на чердаке бани, буркнул в ответ:

– Наша. Что-то не устраивает?

На фактории, кроме Натальи, находилось и несколько других женщин. Одна, вполне себе так ничего, симпатичная блондинка, как можно было понять, была при Кузьмиче, обитая в жилой половине конторского дома, кем-то числясь и ничем особо не занимаясь. Изредка ее видели прогуливающейся вдоль речки. Еще три или четыре женщины разного возраста тоже находились в бригадах заготовителей ореха в качестве поварих и ждали вместе со всеми расчета.

Наташку привлек в нашу авантюру тоже Левка. Она была его знакомой соседкой по подъезду, студенткой гидрометеорологического техникума. Пожаловалась, что нынче, из-за каких-то обстоятельств, все лето сидит в городе, а так хочется вырваться куда-нибудь на природу, и не на день-два, а подольше. Практичный Лева поинтересовался – умеет ли она готовить на костре и готова ли к бытовым трудностям вдали от цивилизации? Получив на оба вопроса утвердительный ответ, он согласовал выезд с ее родителями и поставил меня перед фактом, что в нашей с ним предстоящей аванюре будет участвовать еще один человек – симпатичная девчушка восемнадцати лет, обосновав необходимость ее присутствия сугубо утилитарными соображениями. Я не стал долго возражать.

Девчонка оказалась без заскоков, по хозяйству старалась, со своим мнением не лезла, за собой следила. Видимо, она имела какие-то виды на Леву, раз решила ехать с нами, и вела себя всю дорогу, как примерная девочка. Мы это не обсуждали. Когда несколько раз пона-

чалу ее ненароком чем-то обижали, она прикусывала губу, глаза наливались слезами, лицо застывало. Потом она уходила куда-нибудь в лес, но через недолгое время снова появлялась без следов пережитой драмы на лице, разве что в чуть преувеличенно бодром настроении. В дальнейшем мы старались не допускать такого. У нас самих слевой, бывало, в спорах чуть до драки не доходило, но Наташка и здесь как-то ловко все разруливала. Так что влилась она в нашу компанию удачно, неурядицы жизни в тайге переживала стойко, и каких-либо фортелей не выкидывала.

Часть десятая.

Девушки и орехи

– Надо с вами все порешать! – после короткого молчания решительным голосом произнес Толик. – Значит, так. Вы тут на днях в город уезжаете. В городе телок много. Здесь совсем нет. Несправедливо. Оставляете нам девку, а о цене столкнемся!

Толик налил из бутылки по полстакана и протянул один Леве: – Ну, что, договорились?

Лева, сидя на нарах, некоторое время с неодобрением рассматривал Толика, затем, не вдаваясь в детали, сказал:

– Нет!

Каюр поставил стакан на стол и задумался. После недолгой паузы он сказал:

– Слышь, паря, тебя как звать-то?

– Лева.

– Ага, Левка, стало быть... В общем, Лева, что я тебе скажу. Обычная цена у нас за девку – мешок ореха. Спроси кого хочешь. Нормальная цена. Без женщин-то совсем плохо – ни приготовить, ни постирать. Да и так, для души, жить-то с кем-то надо... Сейчас большая часть людей отсюда уезжает, заезжие все сваливают. Только местные остаются – к охоте участки готовить, да паданку после ветров можно до ноября собирать, – Толик говорил степенно и обстоятельно, как бы обсуждая проблему с собеседником, терпеливо объясняя очевидные для аборигенов вещи.

– Женщины, Лева, здесь в цене. Мы ж не просто так, уезжать все зимой будем – расплатимся, ореха же мешок ей дадим, да шкурок беличьих на шапку. Довольна будет, не обидим... В общем, чувствую я – не устраивает тебя расклад. Ладно, дело житейское. Согласен на два мешка! Хотя это и шибко большая цена, но девка, вижу, хорошая. Пусть так и будет, дорого конечно, ну да ладно! Что мелочиться-то? Давай, пей, надо же обмыть такое дело!

Лева поднялся с нар и сел за стол. Выглядел он уже достаточно злым, и говорить старался внятно и убедительно.

– Толя, послушай теперь меня. Я взял девчонку с собой, и я должен вернуть ее обратно. Что бы ни случилось, но я это сделаю! Понимаешь? Речи про то, что она здесь останется, не идет. Вообще! Даже не задумывайся об этом! Понятно?

В зимовье разговоры смолкли. Все с интересом прислушивались к происходящему. Я, на всякий случай, пододвинулся поближе к краю нар.

– Так, а ты что, – жениться на ней собрался? Нет? Тогда о чем речь? Два, целых два мешка ореха за девку! Ты же, Лева, я вижу, – конкретный пацан! Но и я не баклан какой-нибудь, за базар отвечаю! Два мешка – в натуре, без фуфла! Ты не думай, я и с вывозкой помогу! На лошадях, в обход кордонов, вывезем, без вопросов! Ну, что – согласен?

Муторный разговор продолжался и заканчиваться в ближайшее время не собирался. Я вышел из барака и огляделся. Наташа возвращалась от речки. Я двинулся ей навстречу. Спросил – что видела, как настроение. Потом попросил:

– Наташ, ты погуляй еще немного. Там кипиш небольшой зреет. Как уляжется, позову, хорошо?

Та, умница, не стала выяснять подробности, и, кивнув, опять пошла к речке. Я вернулся в помещение и не увидев пока ничего, требующего экстренного вмешательства, снова залез на нары.

Лева, сидя на лавке вполоборота, мрачно разглядывал сучок в половице. На лице его играли желваки. Толик, с терпением католического проповедника на полинезийском острове, продолжал убеждать Леву в правильности своих предложений и логических построений. К этому времени разговор шел уже о трех кулях ореха. Обращения к небесам, родителям и вождям партии чередовались с откровенно неприкрытой лестью и обещаниями сделать всю нашу компанию, включая и Наташу, самыми счастливыми людьми на земле. Искренности посулов способствовала уже почти допитая бутылка водки, к которой Толян в одного периодически прикладывался.

– Не понимаю! Вот не понимаю ничего! Ну никто ведь, нигде в Саянах и никогда, не давал за женщину трех кулей ореха! Три мешка! Полный беспредел! Да за такую цену я не знаю, что уж такого эдакого она уметь должна! Не, ну правда же, тебе тут дают три, целых три мешка ореха за девуку, а ты еще думаешь!

– Да не думаю я ничего! Толян, кончай ты этот гнилой базар, задолбал уже! – наконец, взорвался Лева. – Речи об этом нет, вообще нет, понял?!

Вскочив, он яростно сжал кулаки. Я тоже соскочил с нар, чувствуя, что пора. Барак затих в ожидании развязки.

Дверь внезапно распахнулась, в помещение, шатаясь, вошел Генка-радист. Обойдя стоявшего на пути Леву и подойдя к столу, он обнаружил перед Толиком почти пустую бутылку. Взяв ее в руки, Гена недоуменно потряс емкость, разглядывая содержимое, едва плескавшееся на доньшке. Затем глотком допил, разочарованно выдохнул и с размаху хряснул уже совсем пустой бутылкой о голову Толяна:

– Ах, ты ж сука! Сам всю бутылку кончил, а мне ни хрена не оставил, гнида!

Удар, видно, оказался неточен, бутылка и голова остались целыми, но Толик, все-таки, упал с лавки. Сообразив, что его обидели, он проворно поднялся на ноги, отскочил к стене и выхватил нож. Генка разбил-таки бутылку об угол печки и выставил «розочку» перед собой. Родственнички закружились вокруг стола, делая с выдохами и со зверскими криками ложные выпады. Мы слевой к этому времени уже успели запрыгнуть на нары. Дедок, спокойно куривший на корточках у печки, тоже с завидной прытью исчез за ее углом.

Генка с Толькой сошлись ближе и, схватив друг друга за руки, зацепились за лавку, свалились и перешли в партер, катаясь по полу. Народ сместился к краю нар, чтобы не упустить чего интересного. Впрочем, отчаянная борьба длилась недолго, силы быстро покинули оппонентов. Толя спрятал нож, Гена закинул «розочку» за печку. Они отдышались и стали снова препираться – кто, когда и чью водку выпил. Так и не придя к консенсусу и, видимо, вообще мало что из произошедшего помня, они поднялись и потащились снова к геологам. Я слез с нар и пошел искать Наташу.

Часть одиннадцатая.

Мишка

Похожим образом прошел и следующий день. Слоняясь ближе к вечеру по фактории и заворачивая за угол конторы, я буквально наткнулся на знакомого парня с параллельного класса – Витьку Медведева, которого все с пятого класса, как он пришел в нашу школу, звали исключительно Медведем или Мишкой. Мы изумленно смотрели друг на друга, удивляясь такой неожиданной встрече в таком удаленном от цивилизации месте. В свое время мы с Михой довольно хорошо общались, ходили вместе на волейбол. По лыжам в старших клас-

сах вообще входили в первую тройку и нас всегда отправляли вместе на разные межшкольные и районные соревнования.

Мы не виделись с ним все три года после окончания школы, слухи смутные до меня иногда доходили, но точно про него никто особо не рассказывал. Мишка был среднего роста, худощавым, но исключительно выносливым, со всем комплексом дворовой справедливости и подхода к жизни. Он не особенно изменился за прошедшие годы. Как оказалось, Медведь в институт не поступил, отслужил срочную, потом немного поработал на стройке, затем таксистом, разругался с начальством, уволился и вот, в компании ребят с нашего района, тоже колотит здесь шишку.

– Мишка, да ты чо? И Леха Птица здесь? И Паса? И Серега Иванов? Тыщу лет никого не видел! Вот это у вас компаха! Долго еще шишкарить собираетесь?

– Ну, еще неделю точно будем! У нас еще участок на границе с Пермьяковским не обработан. Там кулей десять еще должны всяко взять, потом и свалим.

При упоминании уже знакомой фамилии я сразу насторожился, но решил расспросить попозже, а пока воспользоваться случаем.

– Миха, слушай, а у вас как с продуктами?

– Ну, есть. Точнее, до фиги! Мы же хотели, если урожай хороший, то и до конца октября тормознуться, поэтому набрали с запасом. А что? Еда, что ли, кончилась?

Я кратко обрисовал ему ситуацию.

– Кузьмич только завтра вечером, говорят, появится. Нам бы хоть чуть-чуть что-нибудь перекусить и дотянем. Сами-то нормально, привычные, девчонка у нас, ее жалко.

– Погнали! Я у сторожа вот керосином разжился, он у нас закончился, а так все есть! За час дойдем, если не тормозиться, обратно до темноты обернешься.

Предупредив своих, что исчезну до вечера, я направился по тропе вверх от фактории, вслед за пружинисто шагающим Мишкой. Шли молча, тропинка извивалась между деревьев, то взбираясь на сухие пригорки с сосной и кедром, то выходя на подболоченный, с высокими кочками, ельник у берега реки. На очередном повороте реки тропка раздвоилась. У развилки Миха остановился и повернулся ко мне:

– Ну, что, хочешь посмотреть Пермьяковские уголья?

После некоторого замешательства я утвердительно кивнул, и, наконец, решился выяснить – про кого вообще речь и чем эта личность так знаменита, что ей даже пугают. Мишка рассмеялся и рассказал, что ему было известно.

Часть двенадцатая.

Пермьяков

Вся здешняя тайга с незапамятных времен поделена между семействами местных жителей. Там они собирали ягоды-грибы, били орех, добывали зверя и пушнину. Жили вполне себе так, не сильно богато, но и далеко не бедно. По несколько коров и лошадей в каждой семье имелось. В революцию и после многих постреляли, посадили, раскулачили, сослали, кто-то сам от греха уехал. На самые лучшие участки наложило свою руку государство, представленное здесь лесхозом. Но Пермьяковы, хотя среди них тоже многие попали под каток репрессий, тайгу свою удерживали отчаянно, изобретательно и жестоко. Начальство лесхоза – тоже люди, и, когда им предлагали выбор, чаще соглашались с доводами Пермьяковых. Те, кто не соглашался, как правило, долго не жил.

Тем не менее, время от времени, лесхоз прибирал к себе спорные уголья, но через какой-то срок они снова переходили к прежним хозяевам. С войны вернулся лишь один представитель большой когда-то семьи. Местные власти в то время относились с уважением к фронтовикам, воевавшим на передовой. Бывший сержант Панкрат Пермьяков, имевший два ордена

Славы и две медали «За отвагу», получил письменное разрешение, закреплявшее его право на традиционный промысел на родовом участке тайги.

Многokrатно раненый и контуженый фронтовик умер в начале семидесятых, оставив после себя единственного сына. Григорий не успел окончить институт, сел за драку с поножовщиной и полностью отпахал на зонах данный ему судом пятерик. Вернувшись, он узнал, что отца нет, а участок, принадлежащий ему по всем писаным и не писаным законам, снова занял лесхоз. Война шла три года. Победил Пермьяков. Лесничий покусившейся на его уголья организации загадочным образом исчез на охоте в тайге, его так и не нашли. Директор лесхоза уволился и уехал после того, как у него сначала сторела собственная новенькая «Волга» вместе с гаражом, а чуть позже сын на танцах в клубе был жестоко избит и искалечен залетной шпаной.

Пермьякова достать не могли – из поселка он почти сразу исчез и проживал где-то на съемных квартирах в городе. Тем не менее, каждый год он промышлял шишку в своих угольях, в октябре-ноябре охотился там же, но все добытое шло мимо начальства. Вроде бы, по разговорам, у него была семья, но ее он переправил куда-то на юг, то ли в Сочи, то ли в Крым.

Прошло несколько лет. В лесхозе очередной раз сменилось начальство. И опять встал вопрос о принятии под государственное крыло самого урожайного в округе участка кедрового леса. Началось обсуждение – как к этому делу подойти. Предложения сжечь пермьяковские зимовья были отвергнуты сразу. Присутствующие знали, что агентура противника обо всем докладывает в деталях, а лично ссориться с Пермьяковым никто не хотел. Решено было действовать гибко, с соблюдением закона.

В долину Сарам вела одна единственная дорога, проходима только для тяжелой вездеходной техники. По предложению Чалдонова, лесхозовцы в разгар заготовки ореха поставили на перевале балок и шлагбаум, выставили охрану из четырех недавно принятых на работу неместных егерей под руководством лесничего. Два грузовика, нанятые в какой-то организации Пермьяковым для вывозки урожая, на кордоне остановили и арестовали, мотивировав тем, что он может делать на своем участке, что хочет, но орех обязан сдавать государству по твердой цене. Угрозы немедленной расправы и всяческих бед на представителей власти не произвели никакого впечатления. Была вызвана милиция, составлены протоколы и Пермьякову пришлось уплатить изрядный штраф, чтобы вызволить хотя бы машины.

На следующий год в дождливый вечер завершающегося сентября в балке, где играла в карты охрана, распахнулась дверь, и, обойдя оружейную пирамиду, к столу подошел сам Пермьяков. Он протянул руку к середине стола, и все увидели зажатую в ладони ребристую гранату. Другой рукой он положил кольцо от нее на прикуп.

– Значит, так, парни. Вы, я вижу, ни черта не боитесь, но и мне терять нечего. Дернетесь – калеками на всю жизнь останетесь, если со вспоротыми кишками здесь не передохнете. Кто еще хочет пожить – сидите тихо, не рыпайтесь!

В дверь тут же зашло четверо из бригады Пермьякова. Двое направили черные зрачки двустоволок на охрану, еще двое сгребли все оружие из пирамиды у двери и вышли. Через несколько минут послышался шум приближающихся машин. Две «ступы» и «шишига», завывая моторами, проследовали мимо и направились вниз.

Налетчики покинули помещение, предупредив, чтоб никто не пытался выйти – стрелять будут без предупреждений. И что захваченное оружие они бросят ниже, утром пусть ищут. Действительно, все оружие нашлось – километром ниже, каждые сто метров на дороге лежали отдельные части от изъятых ружей и карабинов. Все патроны, естественно, исчезли. Удивительно, но рация на фактории как раз в этот вечер сломалась и наладилась только через несколько дней. Пермьяков ушел, и ушел со всем собранным урожаем ореха.

Вся эта история произошла в прошлом году. В этот сезон, по данным лесхозовской разведки, Пермьяков заехал в тайгу рано – в середине августа. Прошла на этот раз, по сведениям тех же осведомителей, колонна из трех грузовых вездеходов – ЗИЛ-157. Удалось также выяс-

нить, что в бригаде насчитывается восемь человек, включая самого хозяина. Все вооружены охотничьими ружьями и карабинами. Через кого-то из местных Пермьяков предупредил возможных посетителей – дороги зашипованы, на тропах – растяжки, в любого, появившегося на участке стреляют без предупреждения.

Лесхозовское начальство поставило на перевале второй балок для шестерых студентов-охотоведов, проходящих практику, посулив им очень существенную премию, если удастся взять Пермьякова. На подступах отрыли два окопчика. Слева и справа по натянутым проволокам бегали две овчарки. Дежурили круглосуточно по двое – егерь и студент. Дополнительный кордон выставили, где дорога выходила на трассу. В поселке наготове находился наряд милиции, готовый выехать по первому сигналу. Сезон шел к завершению, все нервничали, ожидая начала активных действий. И тут, неожиданно, от осведомителей поступила информация, что Пермьякова на участке нет. Лазутчики обследовали его территорию и подтвердили – ни машин, ни бригады нет. И куда они делись – никто не знает.

Мишка со своей бригадой еще в прошлом году выбрал участок, расположенный рядом с пермьяковским, но ни разу ни с ним, ни с его ребятами не встречался. Так только, издали слышали, как там колотят кедр, как работают бензиновые агрегаты, перерабатывая шишку. И вчера, узнав от кого-то (а в тайге слухи распространяются удивительно быстро), что соседи съехали, они решили заглянуть туда и осторожно прокрались. Увиденное их поразило. Сейчас Миша решил показать это и мне.

Пермьяковская тайга оказалась необычной – значительную часть практически ровного большого участка, километра три длиной и около двух шириной, занимал чистый некрупный, исключительно удобный для колотыбы, кедр. В центре располагался табор с двумя большими ухоженными зимовьями. Все свидетельствовало, что переработка ореха здесь была поставлена на промышленную основу.

Две мощных рамы из плах, судя по всему, использовались для установки бензиновых моторов с приводами на валы для перекручивания собранной шишки. Судя по размерам коробов, в каждый из них свободно входило по мешку. Сита, найденные в стороне под навесом, оказались тоже огромными, вмещающая по паре мешков размятых шишек. Вертикальная рама, на которой крепился брезент для отвеивания ореха от мусора, была, где-то, четыре на пять метров. Еще какая-то непонятная станина находилась сбоку.

– Промышленный вентилятор, чтобы от ветра не зависеть при заключительной очистке ореха, – объяснял Миша. – А вон тот навес с отсеками – там досушка ореха шла, в коробах. Почему решета и сита тут оставил и посуда и остальное? Он же местный. Свои люди есть – если кто что с пермьяковских зимовий заберет, все равно узнают, значит, – считай не жилец. А ведь он нынче тонн пятнадцать ореха вывез, но как? Кордон же стоит! Другой дороги, чтобы на машинах проехать, вообще нет! По следам смотрели – непонятно, теряются на дороге и все. В общем – темный лес!

Часть тринадцатая.

Продукты, ужин и Кузьмич

Достигнув лагеря, где обитали Миша с приятелями, я не стал долго задерживаться. Да и народ весь был в работе. Меня наскоро напоили чаем с сахаром и лепешкой, насыпали картошки, овощей, дали пакет муки и полбутылки подсолнечного масла, пачку чаю и горсть рафинада, две банки тушенки и банку сливового компота. Кроме того, парни угостили целыми двумя пачками «Примы». Нагруженный, я зашагал обратно через сгущающиеся сумерки.

Луны и звезд не было видно, темнота установилась плотная, но край неба на западе оставался чуть более светлым. Тем не менее, в одном месте я ухитрился потерять тропу и, то и дело, натываясь на еловые сучья, начал уже подумывать о вынужденной ночевке. Но тут,

очень кстати, заработал дизельный движок на фактории. Направившись на звук, я с осторожностью взял чуть левее, потом правее, пока не понял, что вернулся на тропу.

Ближе к полуночи мы втроем сидели за столом и уже не спеша доедали по второй порции густого наваристого борща, закусывая свежее испеченными лепешками. Народ на нарах мучительно вертелся, вздыхал и бросал на нас голодные взгляды, но мы с Левой оказались тверды – съели и по третьей миске. На дне кастрюли все равно еще немного оставалось, и я позвал дедка из-за печки, предложив ему доесть оставшееся, что тот и исполнил с большой радостью. Сделав перерыв на перекур, мы заварили чай и пили его вприкуску с сахаром у печки. Затем к нам поближе стал подтягиваться страждущий народ – отказать в еде, если человек не помирает от голода, здесь считалось нормальным, но куревом приходилось делиться, это не обсуждалось.

А на следующий день с колонной машин приехал Кузьмич. С вечера он открыл склад и выдал продукты и курево всем желающим «под расчет». С утра началась приемка ореха. Ругань и уговоры, наглость, подхалимство и обоюдный обман – все сплелось в кипящих страстях под навесом приемного пункта.

Кузьмич держался против заседающей толпы со спокойствием таежного утеса во время бури, не уступая ни пяди. Меньше чем по десять процентов на влажность и мусор он не скидывал:

– Ты что, не видишь – сколько у тебя мусора? Это что? Мне за тебя платить на базе? – выбрав цепким взглядом еще один из мешков, надрезав шов, Чалдонов запустил вглубь руку. – А влажность? Его же досушивать надо! Ты что туда – воды налил для веса? Все, разговор закончен, десять процентов – на влажность, пятнадцать – на мусор! Рубль и пять копеек за килограмм – получишь в Култуке, в конторской кассе. Так, всего у тебя на бригаду – тонна ореха. Три куля можете вывезти через кордон. Держи бумагу!

– Кузьмич, да ты ж без ножа режешь! Как же так – по рубль пять?

– Не, ты совесть имей! Не нравится, сейчас перепишу разрешение только на два куля вывозки!

– Эх, Кузьмич... Давай бичик...

Настала наша очередь. Я сразу стал вслух вспоминать – как классно проводил время в общаге пушно-мехового технаря, и какие там отличные ребята! Лева ловко поддакивал, что, мол, конечно, биологи всегда помогали друг другу. Наташка всей своей фигурой изобразила мольбу и отчаяние.

Вздыхнув и задумчиво поковырявшись в одном из кулей, товаровед заключил:

– Ладно. У вас более-менее. Лист брусничный тоже есть. По пять процентов на влажность и мусор. Три мешка с собой.

– Кузьмич, спасибо! Никогда не забудем!

– Да ладно вам. Вот бумага, пока!

Часть четырнадцатая.

Выезд

Фактория бурлила. Приемка урожая шла полным ходом. Народ, сдавший шишку и орех, в возбуждении кучковался на площади возле конторы, стянув сюда законно вывозимый орех и свои вещи. К ребятам из Вологды прибежали двое бичей и радостно сообщили, что видели, как на машинах из Култука приехали те самые парни, взявшие у них в долг мешок ореха. «Что делать? Как что?! Так резать надо, пока они не затырились! Слово не сдержали, значит, хана котяткам!» Понурые вологжане, оставив одного парня у бутора, отправились искать своих обидчиков. Но те уже шли к ним, крича издали, что не виноваты, что все искупят с лихвой.

Судя по всему, Витька с Кехой хотели по-тихому смыться в тайгу, но увидев, что их заметили и вычислили, быстро переиграли. Бичи слезно извинялись, сказали, что ничего не смогли

сделать, чтобы вернуть долг сразу, потому как запили. Выставили в погашение своего долга штук шесть бутылок водки, палку колбасы и два огромных арбуза. Где они нашли деньги на все это, никого не интересовало.

Машины довольно быстро загрузили мешками со склада, закрыли сверху брезентом, туго увязали. Затем последовала команда занимать места. Народ кинулся на штурм грузовиков, привязывая свои кули с орехом и вещи к веревкам, стягивающим сверху брезент. Через недолгое время караван из пяти ЗИЛов с густыми гроздьями людей, тесно сидящих сверху, двинулся обратно через перевал на Большую Землю.

Вологжане оказались людьми нежадными и мы, на обратном пути, восседаая на брезенте, в кренах хватаясь за поперечные веревки, пили прямо из горлышка водку, пели песни и ели арбуз. Следующие двое суток помнятся смутно. Где-то в Култуке нашли сарай, в котором расположились, потом ночью искали водку, снова пили с вологжанами, оказавшимися отличными ребятами. Утром, получив расчет в конторе и добравшись до вокзала железной дороги, сдали мешки с орехом в багажное отделение. Затем, затарившись в станционном буфете, рванули к Байкалу и продолжили банкет на берегу озера.

Самые смелые купались, заскакивая в холодную воду и с визгом из нее вылетая. Потом пили и пели в электричке. Как и где расстались с ребятами, ни я ни Лева не помнили совершенно. Но Наташка все время была при нас и в порядке, за этим мы следили из последних сил. Сцена, как мы сдавали девчонку ошеломленным родителям, достойна кисти Ильи Ефимовича Репина...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.